

УДК 821.161.1-14.09(045)

*Л.И. Донецких, С.П. Чекмарева***КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА «КОЛОКОЛ», «КОЛОКОЛЬЧИКИ» В СТИХОТВОРЕНИИ
АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА «ВРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ»**

В поэзии А. Башлачёва нашли отражение исторические реалии 70–90 гг. XX в., мироощущение рок-поколения, жажда духовного развития. Самобытность поэта, выросшего на фольклорных и мифических традициях русского народа, опора на творческое наследие русской литературы позволили ему очень быстро приобрести неповторимую индивидуальность. При всей прозрачности его слово становится образно-символичным, требует глубокого погружения в фоновый подтекст эпохи и философской оценки.

А. Башлачёв превращает свои стихи в тексты-коды, схожие с мифами. Он проходит путь от рационального к иррациональному. Таковы заложенные в поэтику ключевых слов «колокол» и «колокольчики» магические смыслы, реализованные в стихотворении «Время колокольчиков».

Исторически правдиво и по бытовому честно от строфы к строфе А. Башлачёв сближает найденные ключи, наполняет их высокое бытийное содержание (Жизнь, Народ, Россия) бытовым, земным (Поэты, способные решить глубинные задачи Времени). Только такое понимание идиообразов – Колокол и Поэты – могло привести рок-поэта к финалу на пути поиска Имени Имён.

Ключевые слова: авторская картина мира, поэтические константы, рок-поэзия, словообразы, Колокол-Родина, колокольчики-поэты, фольклорные коды, литературные реминисценции, Имя Имён.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-395-402

Индивидуальный художественный мир характеризуется, по словам С.В. Свиридова, набором поэтических констант, «которые делают творчество художника единым структурно организованным» [14. С. 53]. Статья посвящена выявлению таких констант в творчестве поэта-барда Александра Башлачёва, оставившего яркий след в современной русской поэзии.

Его жизненный и творческий путь, к сожалению, был недолгим. Он метеорно ворвался в культурную жизнь страны, вспыхнул и исчез. И теперь по крупичкам собирают сделанное им, размышляя над феноменом загадочного гения.

Проблемное поле ключевых слов привлекает внимание лингвистов давно и в различных направлениях: медиалингвистика, психолингвистика, лингвокультурология и т. д. В последние годы ученые делают попытку создания интегральной модели его понимания. Авторская картина мира репрезентируется через употребление ключевых слов в пространстве текста или всего творчества писателя.

Лингвоэстетическая база исследования теории ключевого слова строится на структурно-семантическом (Ю.М. Лотман, С. Левин, и др.) и филологическом (А.А. Потебня, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, Б.А. Ларин, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, О.С. Ахманова и др.) подходах. Структурно-семантический предполагает рассмотрение текста как абстрактной модели или отождествления вербального знака и его денотаций [9]. Филологический анализ традиционно контаминирует лингвистическое и литературоведческое внимание к тексту. В результате сближения двух подходов на стыке лингвистической и литературоведческой стилистик возникло новое направление филологии – лингвопоэтика, во многом опирающаяся на позиции Б.А. Ларина и В.В. Виноградова, рассматривающих художественный текст через эстетико-стилистическое воздействие составляющих его элементов (звуков, фонем, слов, словосочетаний) и идейно-содержательную сферу [3; 7].

«Сложность анализа художественного текста в смысловом и архитектурном ракурсах заключается прежде всего в определении эстетически значимых компонентов текста, реализующих основные мысли автора, идею произведения, способствующих усилению выразительности текста, раскрывающих систему расстановки особенностей связанного функционирования языковых средств» [6. С. 108].

Д.М. Поцепня в своих работах утверждает, что ключевые слова «существуют не сами по себе, а соотносятся с неким сложным обобщающим смыслом, синтезирующим линии частных употреблений. Поэтому даже нейтральные, казалось бы, употребления становятся особо значимыми» [13].

«Многоплановая семантика ключевых слов, выполняющих эстетическую функцию в художественном тексте, связывает моделируемый по авторским законам поэтический мир с объективной дей-

ствительностью. Эти связи превращают ключевое слово в словообраз... Стилистически значимая, наделенная концептуальными свойствами, такая единица становится идиоключом [5. С. 5].

М.С. Потехина считает, что «изучение ключевых слов в пределах группы текстов позволяет сделать акцент на близости данного языкового факта метаязыку» [12. С. 284].

В данной работе представлено лингвостилистическое толкование стихотворения Башлачёва «Время колокольчиков», которое позволило через призму ключевых слов определить идиосмысловые основы его поэтики.

А. Башлачев не сразу был признан. Возможно, его неожиданный уход из жизни в 27 лет повлиял на долгое молчание исследователей. Возможно, его смелость в обращении с языковым материалом, своеобразии выражения авторской позиции потребовали от критиков объяснить поэтику особенностями времени. Творчество российского поэта и музыканта, автора и исполнителя своих песен попало в орбиту исследовательского интереса только во второй половине девяностых годов, не смотря на то, что оно оказало сильнейшее влияние (по их собственному признанию) на таких признанных звезд рок-н-рола, как Гребенщиков, Дягилева, Летов, Кинчев. Они единодушно признают его лучшим, талантливейшим поэтическим лидером. Творчество Башлачёва высоко оценили и старшие современники: Окуджава, Евтушенко.

О художественном методе Башлачёва уже написано немало. За три десятилетия появились сотни статей, ряд монографий, защищено несколько диссертаций. Заметный вклад в изучение творчества поэта внесли такие ученые, как С.В. Свиридов, С.С. Шаулова, А.Я. Ярмо, Ю.В. Доманский, В.И. Столбов, Т.Н. Воронина, А.Н. Крылова, В.А. Гавриков и др. Более того, ни одна обзорная работа о поэзии рока не обходится без разговора о такой ключевой фигуре рок-поэзии, как Александр Башлачёв.

Образная система А. Башлачёва представляет собой широкое поле для многочисленных и иногда взаимоисключающих интерпретаций. Но все исследователи его поэтической системы отмечают, что Башлачёв создал свой оригинальный стиль под влиянием славянского фольклора и различных литературных традиций XIX и XX вв.

По мнению В.В. Лосева, «рок-поэзия осуществляет эволюцию к национальному двумя путями: с ориентацией на фольклор либо без нее» <...> Синонимом слова «фольклор» он выбрал слово «русскость» [8]. Очень ценными следует считать размышления автора: «Обратившись к наиболее концентрированно-национальному в речи – идиоматическим выражениям – и интенсивно насыщая ими текст, Башлачёв сложнейшими трансформациями этих выражений создает уникальный эффект вскрытия русской исторической судьбы. Идиомы у Башлачёва, как правило, выполняют функцию не фиксирования (подтверждения, усиления) старых значений, а продуцирования новых <...> Поэт проверяет на прочность и универсальность, отстоявшуюся в языке народную мудрость, заставляя ее возрождаться в новой социокультурной ситуации. Говоря о настоящем или недавнем прошлом страны, поэт таким образом одновременно производит его «смысловое испытание» и добивается особой эмоциональной напряженности и содержательной насыщенности стиха» [8].

Мария Бухарская в работе «Реминисценции и образы-символы в творчестве А. Башлачёва» обращает внимание на то, что тексты поэта наполнены реминисценциями, ассоциативно связанными с поэзией М. Исаковского, В. Маяковского, Н. Заболоцкого, Ф. Сологуба, А. Блока, классиков – А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя и А. Грибоедова.

Синтаксическая организация его произведений вкупе с другими выразительными средствами, по мнению А.И. Бойкова, тоже демонстрирует глубокую интеграцию фольклорного кода в поэтический диалект Башлачёва. Поэт «переосмысливает и оживляет стертую семантику употребительных конструкций разговорного синтаксиса, принимая их в свой арсенал выразительных средств» [2. С. 166].

С.В. Свиридов так же, как и Н.К. Данилова, отмечает особую форму существования рок-поэзии – голосовое исполнение с музыкальным аккомпанементом. «Текст, – говорит С.В. Свиридов, – в данном случае – единство слова и звука <...> Этот единый текст состоит как минимум из двух рядов (субтекстов): вербального <...> и звукового <...> Два субтекста сложно коррелируют, будучи устремлены к единой художественной цели и выражая единый смысл» [15. С. 78].

Все перечисленные индивидуально-языковые приёмы нашли тончайшее отражение в самом значимом произведении А. Башлачёва начала 80-х годов – «Время колокольчиков». Оно саудировало те идиосмыслы, которые он потом обозначит как Имя Имён – концептуальный словообраз его творчества.

Как-то говоря о поэзии молодых, Б. Окуджава сказал следующее: «Незнакомый молодой поэт должен приходить в литературу не с гладким чемоданчиком аккуратно подогнанных стихов, а с меш-

ком, набитым острыми гвоздями, которые выпирают в разные стороны и задевают меня и ранят, и его боль становится моей болью. Он говорит об окружающем меня знакомом мире знакомыми словами, но расположенными в необычных сочетаниях, отчего конструкция этого мира предстает передо мной объемной.

Он открывает мне многослойный смысл явлений и такие глубины, под которыми не пустота, а новый смысл. Тогда, пораженный его зоркостью, я кричу, плачу вместе с ним и вместе с ним ликую, потому что его мир становится как бы моим.

Так я воспринял стихи А. Башлачёва, поэта незнакомого, но истинного, сказавшего свое слово с подлинным вдохновением и неугасающей болью» [4].

Невозможно рассматривать творчество поэта, вырывая его из контекста времени. Говоря о рок-поэте, отражающем в песнях приметы времени через призму своего восприятия, своего мировоззрения, своей эстетической ауры, очень важно видеть связь между событиями в стране, культурными традициями и ступенями и динамикой его творческой биографии. Необходимо учитывать все аспекты художественной структуры рок-поэзии – социокультурный, концептуальный и формо-содержательный – в их взаимодействии.

Русская рок-культура начинает свое формирование с конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. по европейскому и американскому образцам, где слово вторично. Р. Сенчин вспоминает: «В начале 1980-х уже веяло грядущими переменами на родине, докатывались отзвуки неких других миров, другой литературы и музыки, других общественных отношений. Но все равно сохранялась атмосфера закупо-ренности, удушливости, безысходности. Ожидания нового сменялись вымученной веселостью, а эта веселость – апатией <...> Недаром те годы в среде контркультурщиков получили определения: эпоха Великого Стеба, затем эпоха Великого Облома <...> Стеб был в конце 70-х – начале 80-х, во времена относительной свободы, точнее – непринимания всерьез контркультуры» [4].

«1984-й – стал <...> самым важным годом советского (потом его назвали русским) рока. От стеба он перешел к серьезности. И эта серьезность была заявлена Александром Башлачёвым в его стихотворении “Время колокольчиков”» [4].

Именно в этот период меняется пафос его песен. Поэт уже не играет словом, выражая негатив по отношению к господствующим стилям. Он находится в поисках реального и сверхреального и уходит от рационального слова. Его интересует скрытый образный потенциал языка. Слово для него становится точкой слияния бытия и сущего. Конечно, он выражает протест, что свойственно рок-поэтам, но его протест несет не только разрушающую, но и созидательную энергию.

Тематика песен Башлачёва в этот период все больше отражает поиски истины. С его точки зрения, роль поэта активна и реализуется через слово. Слово – инструмент поэта, равно Творца. «Господи, он же сам делал со словом, что хотел! Многие каскады рифмовки на строфу, многострунная звукопись о содержании, обжигающем, я уже и не говорю – после концертов Саши люди ощущали себя опаленными ДУХОВНОЙ лавой творения башлачёвского мира. Мира нашего, но объясненного, проясненного и предъявленного нам как слепящее до слез судящее зеркало», – говорит Алексей Дидуров [4].

Он ищет «Имя Имён», то есть слово-истину. Поиски Имени Имён становятся основным делом песенной поэзии его зрелого творчества.

Тематическое единство стихов данного и последующих периодов определено главной линией Башлачёва-поэта и человека – найти и утвердить смысл жизни. На этом этапе ещё нет Башлачёва-философа. Перед нами лирический герой, равно Башлачёв, который вступил на путь осмысления бытия.

Вектор Имени Имён ещё не высветился, не зазвучал:

Не позволяй душе лениться,

Лули чертовку сгоряча.

Душа обязана трудиться

На производстве кирпича.

<...>

Когда душа мокра от пота,

Ей некогда ни думать, ни страдать.

Но у народа нет плохой работы.

И каждая работа – благодать [1].

Поэт смеётся над высоким. Его стихи построены на иронии, переходящей в сарказм. Неприятие реальности доходит даже до жестокого унижения человека: «Плюю в лицо слуге по имени народ» («Палата № 6»). Но ещё нет в его сознании понимания истины. Он не видит ее света.

В стихах фон отрицания размыт, ключи ещё не оформились. Но время уже пришло: он осознаёт необходимость в экспликации эстетически значимых единиц.

В стихотворении «Похороны шута» начинают проступать приметы тех ключевых слов, которые и приведут поэта к идиозначимым словообразам «колокол» и «колокольчики»: «горячая смола», «свеча», «костер, что растёт из огарка свечи». Это пока фоновые слова, семантически связанные с образом огня. Порядок в стихотворении предсказывает динамику происходящего: свеча сгорела, но породила более яркое и интенсивное явление – костёр. Но «бубенцы ещё молчат», а «лошадка лениво тянется». Поэт негодует: бубенчик уже должен звенеть, потому что ему есть, что сказать: «Работай, подлец, не молчи!» – призывает Башлачёв.

Бубенчик осознаётся им как символ творчества. На поверхность мысли и чувств поднимаются самые главные заветные ключевые слова – Родина, страна Русская, во всем ее многообразии. Колокол – как образ Истины, ментальный сгусток сущности, называемый Русскостью. Авторская картина мира проецируется ретро и синхронно:

Долго шли зноем и морозами,
Все снесли и остались вольными,
Жрали снег с кашею березовой
И росли вровень с колокольнями [1].

Многовековые испытания русский народ вынес, сохранил свою силу и самобытность, потому что никогда не изменял православной вере. Это требовало огромных усилий:

Звонари черными мозолями
Рвали нерв медного динамика [1].

Уже во второй строфе поэт синонимически заменил: колокол медным динамиком. Динамик – не только громкоговоритель. Это – духовный ориентир. Иначе не ходили бы «круг да около».

Поэт размышляет о Родине через призму поэзии, взгляда человека искусства. Концептуальные слова объединяют темы колокол-Родина и колокольчик-поэт, человек всё видящий и равнодушный. «Звонари по миру слоняются. Колокола сбиты и расколоты», но «Если нам не отлили колокол, Значит, здесь время колокольчиков» [1]. Колокольчик – это голос поэта, его творчество, обретающее силу в лоне народных традиций и поисков жизненных основ¹. Буквально понимаем это сочетание как блуждать, потерять дорогу.

А на дожде – все дороги радугой!
Быть беде. Нынче до смеха ли?
Но если есть колокольчик под дугой,
Так, значит, все. Заряжай, поехали!
Загремим, засвистим, защелкаем!
Проберет до костей, до кончиков.
Эй, братва! Чуete печенками
Грозный смех русских колокольчиков? [1].

«Ты звени, сердце(-колокольчик) под рубашкою»: – видишь цель, значит, ясен путь, направленные движения: «Заряжай, поехали!».

Обе темы взаимодействуют в его творчестве и обе реализуются положительно через фонику, лексику, тропику, морфологию и синтаксис.

Звуковая аура – свистящие и шипящие звуки – создает ощущение ветра, сбивающего с ног, но не поставившего на колени русского человека.

Этому звону сродни аллитерационный рык взбунтовавшегося под рубашкой сердца-колокольчика. Не колокола – колокольчика, не уступающего ему в силе:

¹ Фразеологический словарь русского литературного языка дает следующее толкование устойчивому сочетанию: «Разг. ирон. Говорить, объясняться обиняком, не прямо, не говорить о сути дела» [16].

Ты звени, звени, звени сердце под рубашкою!
 Второпях – врассыпную вороны.
 Эй! Выводи коренных с пристяжкой
 И рванем на четыре стороны [1].

И совершенно другой звук этого же колокольчика при контаминации сонорных звуков:

Я люблю время колокольчиков [1].

Мягкий, глубинный звон, далеко разлетающийся от источника, резонирующий и превращающийся в страстный «свистопляс».

Преобладание в этом произведении глаголов передаёт временную динамичность. Интересно, что в первых трех строках поэт использует глаголы в прошедшем времени, затем переходит к формам настоящего времени, как будто подстёгиваемого глаголами в повелительном наклонении. Поэт утверждает мысль: не должны потускнеть в настоящем традиции прошлого: «мы пришли». «Шли, снесли, жрали, росли, не жалели, рвали», а потому «звени, выводи», и как следствие – «рванём».

Особую роль примеряет на себя здесь местоимение «мы». «Мы» – это «люди с гитарами», те избранные, которые не перестали слышать «колокол», которые способны транслировать и любить. Это у них быются под рубашкою колокольчики, готовые «разбудить» Россию. Мы «росли вровень с колокольнями», Мы пришли. Мы пришли с гитарами» [1]. Современные реминисценции вживую срастаются с фольклорными идиомами. Органическая связь традиции обнажается по-новому:

«Жрали снег с кашею березовой»²;
 «Ходим круг да около»³;
 «И рванем на четыре стороны»⁴;
 «Проберет до костей»⁵;
 «Чуете печенками»⁶;
 «Хоть шары нам выколи»⁷.

Как видим, большинство из них переосмыслено.

Подбор выразительных средств расширяет смысловые и эмоциональные границы словообраза «колокольчики»: эпитет «грозный» у Башлачёва характеризует «смех русских колокольчиков», так же как и сравнение: «А на дожде – все дороги радугой!». Ими поэт закодировал несколько идиоматических. Дождь – очищающая вода. Очищение дает прозрение. Направление становится чётким и ясным. Радуга-дуга, в которую запрягается тройка лошадей. А на дуге, как известно, по русской традиции – бубенчики, равно колокольчики, равно направляющие.

Яркая синтаксическая особенность данного произведения в том, что поэт предпочитает использовать односоставные предложения. Определенно-личные. Они экспрессивнее, чем двусоставные, их лаконизм выдвигает сказуемое в сильную позицию, аккумулируя неожиданную эстетику восприятия:

Что ж теперь ходим круг да около
 На своем поле – как подпольщики? [1]

Синтаксический параллелизм придает синонимическую окраску дополнениям в сложных предложениях, усиливая их ритмо-мелодическое звучание:

Если плач – не жалели соли мы.
 Если пир – сахарного пряника...
 Если нам не отлили колокол,
 Значит, здесь – время колокольчиков [1].

² "Накормить (угостить березовой кашей) – разг. экспрес. Выпороть, наказывать розгами" [16].

³ "Разг. неодобр. Говорить не по существу, не касаясь сути дела". "Разг. ирон. Говорить, объясняться обиняком, не прямо, не говорить о сути дела" [16].

⁴ "идти на все четыре стороны – разг. экспрес. Полностью располагать собой; будучи независимым, свободным от каких либо обязанностей, поступать так, как хочется" [16].

⁵ "до последней степени" [16].

⁶ "Прост. Воспринимать что л. чутьём, интуицией" [16].

⁷ "Разг. Неизм. Очень темно, совершенно ничего не видно" [16].

Башлачёв в одном из интервью так говорит журналисту о своём восприятии русского слова: «...Всё происходит из корня. Это только кажется, что есть контекст слов, на самом деле речь идёт о контексте корней» [4].

Интересно в связи с этим обратить внимание на использование в стихотворении слов производными от древнего корня «коло», обозначающего круг, Солнце.

Колокола сбиты и *расколоты*...
 Что ж теперь ходим круг-да-около
 На своём поле, как подпольщики?
 Если нам не отлили колокол,
 Значит здесь время **колокольчиков**...
 Но сколько лет лошади не кованы,
 Ни одно **колесо** не маzano...
 Ведь биг-бит, блюз и рок-н-ролл
Околдовали нас первыми ударами [1].

Он сближает лексемы, разные по происхождению, но фонетически очень близкие, звукопись усиливает положительно-смысловые ассоциации.

Колдова́ть, колду́н – возм., первонач. "заговаривать"; "заклинатель". Родственно лит. *kalbà* "язык", лтш. *kalada* "шум, ссора", лат. *calō, -āre* "вызывать, сзывать", греч. *καλέω*, "звать, призывать", д.-в.-н. *halōn* "звать, приносить", *holōn* – то же, что греч. *κέλαδος* "шум" [16].

Колокол – укр. *колокіл*, род. п. *колоколу*, целав. *клаколь*, полаб. *kluoküöl* – то же. Праслав. **kolkolъ*, вероятно, родственно лит. *kaĩkalas* (из **kalkalas*), далее др.-инд. *kalakalas* "беспорядочные крики, шум", греч. *καλέω* "зову", лат. *calāre* "созывать, восклицать", греч. *κέλαδος* "шум", д.-в.-н. *hellan* "звучать"; см. Бернекер 1, 547; Сольмсен, РВВ 27, 364 и сл.; Эндзелин, СБЭ 196; Мейе–Эрну 156 и сл. С другой стороны, носовой согласный лит. слова соответствует др.-инд. *kaĩkaṇas, -am* "обруч, кольцеобразное украшение", *kaĩkaṇī* – то же, а также лит. *kaĩklys, kaĩklės* "гусли", *kaĩklaĩ*; см. Гуйер, LF 35, 220 и сл.; Мейе, Ét. 229. Русск. *колокол* "головной убор странника" (в былинах), возм., сблизилось с этим словом только в результате народн. этимологии и продолжает ср.-греч. *κοκκοῦλλ(ον)* [16].

Кроме того семантически перекликаются изначальные значения слов «колдовать» и «колокол»: заговаривать, созывать. Выражение «Околдовали нас первыми ударами» легко связывает эти слова и значения. Вероятность происхождения праславянского **kolkolъ* от др.-инд. *kaĩkaṇas, -am* "обруч, кольцеобразное украшение" позволяет увидеть семантическую связь слова «колокол» со словами «круг», «около», «колесо»⁸.

Колокол обязательно «говорит», и сила его голоса подобна колдовству. Колокол собирает вокруг себя одиноких странников, которым дарит веру и силу.

Таким образом, «колокол» – основной ключ текста «Время колокольчиков». На нём держится тематическое и идейное пространство стихотворения, его композиция. «Колокол» – это символ, традиционный для русской культуры, поэтому легко воспринимаемый слушателем. А. Башлачёв, обыгрывая его в контексте с помощью фонетических, лексических, синтаксических и этимологических средств, выводит на высший уровень – уровень словообраза, концепта. Словообраз «колокол» становится центрообразующим во всей поэтике А. Башлачёва.

Не менее важным эстетическим знаком в стихотворении является и колокольчик. Согласно толковому словарю, колокольчик – «1. Маленький колокол» [11, с. 284], а значит разница только в размере, но не в сути.

«Колокол» А. Башлачёва – это идиообобщение, «колокольчик» сродни «сердцу под рубашкою» и аналог совершения личного поступка, противопоставленного «общему».

Много связано в культуре русского народа с колоколом. Причем это традиции и языческие, и православные. Обережные колокольчики на дуге, вечевые и набатные колокола. Это и символ дороги, и символ веры, и символ России.

Александр Николаевич Башлачёв нашел абсолютную истину: она в сохранении истории народа, его традиций и духовности. Почти в начале своего творческого пути он облек её в словообраз «колокол», суть которого – Имя Имён:

⁸ По этимологическому словарю Фасмера: «Русск. *Колокол* – "головной убор странника" [16]. Уточним в толковом словаре, кто такой странник: «Стр'анник, -а, м. (устар.). 1. Странствующий человек (обычно бездомный или гонимый). С. в мире. 2. Человек, идущий пешком на богомолье, богомолец» [11. С. 772].

Имя Имён... – Сам Господь верит только в него
 <...>
 Имя Имён
 Взято ветром и передано колоколам [1].

Таким образом, сохраняя поэтику раннего периода, в зрелом творчестве А. Башлачёв меняет пафос на «бардовский», найденные ранее метафоры выращивает до семантического объема символов, превращает стихотворения в тексты-коды, схожие с мифами. Он проходит путь от рационального к иррациональному. Ищет место и роль человека в бытии. Реализует Башлачёв свою причастность к абсолюту через магическое слово. Это Словообраз Колокол – земля Россия и её верные звонари – колокольчики-Поэты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башлачев А.Н. Посошок: стихотворения // вступ. ст. и сост.: А. Житинского. Л.: Лира, 1990. 79 с.
2. Бойков А.И. Конструкции разговорного синтаксиса в поэтическом идиолекте А. Башлачева // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. С. 162–166.
3. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: избранные труды. М.: Наука, 1976. 511 с.
4. Вологодская областная универсальная научная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/bashlatchev/5_10.html (дата обращения: 20.02.2020).
5. Донецких Л.И. Ныпадъмка А.С. Словообразы «боль» и «любовь» в поэзии Ю. Друниной. Saarbrücken, Germany LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 97 с.
6. Донецких Л.И. Слово и мысль в художественном тексте. Кишинев: Штиинца, 1990. 166 с.
7. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Ленинград: Художественная литература, 1974. 288 с.
8. Лосев В.В. О «русскости» в творчестве Александра Башлачева // Русская литература XX века: образ, язык, мысль: межвуз. сб. науч. трудов. М.: МПУ, 1995. С. 103–110.
9. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю. М., Гаспаров М. Л. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. С. 24–25.
10. Наумов Л. Александр Башлачев: Человек поющий: Стихи. Биография. Материалы. СПб.: Амфора, 2010. 440 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений, 4-е изд. М.: РАН, 1997. 944 с.
12. Потехина М.С. Проблемы ключевых слов в филологии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 285–287.
13. Поцепня Д.М. О единстве эстетических свойств слова в поэзии и прозе А. Блока // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1972. Вып.4. С. 77–84.
14. Свиридов С.В. Поэзия А. Башлачева: 1983–1984 // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Тверь, 2000. Выпуск 2. С. 53–56.
15. Свиридов С.В. А. Башлачев. «Рыбный день» // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Тверь, 2001. Выпуск 2. 78 с.
16. Словари.Ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slovari.ru/start.aspx?s=0&p=3050> (дата обращения: 12.06.2019).

Поступило в редакцию 01.02.2020

Донецких Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор

E-mail: russistoria@mail.ru

Чекмарёва Светлана Павловна, студент

E-mail: russistoria@mail.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

L.I. Donetskikh, S.P. Chekmareva

**KEY WORDS “BELL”, “SMALL BELLS” IN ALEXANDER BASHLACHEV’S POEM
 “THE TIME OF BELLS”**

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-395-402

A. Bashlachev’s poetry reflects the historical background of Russia in 1970–1990s, the world perception of rock generation, the thirst for spiritual growth. Artistic identity of the poet who grew up on Russian mythological and folklore traditions, reliance on legacy of Russian literature shaped his individuality within a short period of time. With all its

transparency his discourse becomes figurative and symbolic, requires deep plunge into the background of the era and philosophical evaluation. A. Bashlachev transforms his poems into the myth-like texts-codes. He makes his way from rational to irrational. These are magic meanings assigned to the poetics of the key words “bell” and “small bell” as reflected in the poem “The time of bells”. From verse to verse A. Bashlachev brings together discovered keys relying on historical and domestic truth contributing to their existential meanings – Life, People, Russia – with everyday and natural issues – poets who are able to meet the challenges of Time. It is this very understanding of the idioimages – Bell and Poets – that leads the rock-poet to the final of his search for the Name of Names.

Keywords: author’s world view, poetic constants, rock poetry, word-images, Bell-Motherland, small bell-poets, folklore codes, literary reminiscence, The Name of Names.

REFERENCES

1. Bashlachev A.N. Pososhok [One for the road]: stikhotvoreniya [poems] // vstup. st. i sost.: A. Zhitinskogo [Opening chapter and compiler: A. Zhitinsky]. L.: Lira, 1990. 79 s. [79 p.].
2. Baikov A.I. Konstruktsiya razgovornogo sintaksisa v poeticheskom idiolekte A. Bashlacheva [The framework of conversational syntax in A. Bashlachev’s poetic idiolect] // Yaroslavsky Pedagogichesky Vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2013. №3 [Issue 3]. S. 162-166 [P. 162-166].
3. Vinogradov V.V. Poetika russkoy literatury: izbrannye trudy [Poetics of Russian literature: selectas]. M.: Nauka [Science], 1976. 511 s. [511 p.].
4. Vologodskaya oblastnaya universalnaya nauchnaya biblioteka [Vologda Regional Universal Scientific Library]: URL: https://www.booksite.ru/bashlachev/5_10.html [access date: 20.02.2020].
5. Donetskikh L.I., Nypadymka A.S. Slovoobrazy “bol” i “lyubov” v poezii Yu. Druninoy [Word-images “pain” and “love” in Yu. Drunina’s poetry]. Saarbrücken, Germany LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 97 s. [97 p.].
6. Donetskikh L.I. Slovo i mysl v khudozhestvennom tekste [Word and thought in a literary text]. Kishinev: Shtiintsa, 1990. 166 s [166 p.].
7. Larin B.A. Estetika slova i yazyk pisatelya Linengrad [Verbal aesthetics and the linguistic style of the writer Linengrad]: Khudozhestvennaya literatura [Imaginative literature], 1974. 288 s. [288 p.].
8. Losev V.V. O “russkosti” v tvorchestve A. Bashlacheva [About “Russianness” in A. Bashlachev’s writing] // Russkaya literatura XX veka: obraz, yazyk, mysl [Russian literature of the XXth century: image, language, thought]: Mezhun. sb. nauch. tr. [Interuniversity proceedings]. M.: MPU, 1995. S. 103-110 [P. 103-110].
9. Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta [Analysis of a poetic text] // Lotman Yu.M., Gasparov M.L. O poetakh i poezii: analiz poeticheskogo teksta [Analysis of a poetic text]. SPb.: Iskustvo-SPb. [Art-SPb.], 1996. S. 24-25. [P. 24-25].
10. Naumov L. Alexander Bashlachev: Chelovek poyushchiy [A singing Man]: Stikhi. Biografiya. Materialy [Poems. Biography. Materials]. SPb.: Amfora [Amphora], 2010. 440 s. [440 p.].
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy slovar russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy [80000 words and phraseological units], 4 isd. [4th edition]. M.: RAN, 1997. 944 s. [944 p.].
12. Potekhina M.S. Problema klyuchevykh slov v filologii [The issue of key words in philology] // Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya [Izvestiya of Saratov University. New Series]. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. [Series Philology. Journalism]: Isdatelstvo Saratovskogo Universiteta [Saratov University Publishing House]. 2017. T. 17 [Vol. 17], vyp. 3 [issue 3]. S. 285-287. [P. 285-287].
13. Potsepnyaya D.M. O edinstve esteticheskikh svoystv slova v poezii i proze A. Bloka [About the cohesion of aesthetic characteristics of a word in A. Blok’s poetry and prose] // Voprosy stilistiki [Issues of stylistics] Isdatelstvo Saratovskogo Universiteta [Saratov University Publishing House], 1972. Vyp. 4 [Issue 4]. S. 77-84. [P. 77-84].
14. Sviridov S.V. Poeziya A. Bashlacheva: 1983-1984 [A. Bashlachev’s poetry: 1983-1984] // Russkaya rock-poeziya: tekst i kontekst [Russian rock-poetry: text and context]: sbornik nauchnykh trudov [proceedings]. Tver, 2000. Vypusk 2. [Issue 2]. S. 53-56. [P. 53-56].
15. Sviridov S.V. A. Bashlachev. “Rybny den” [Fish day] // Russkaya rock-poeziya: tekst i kontekst [Russian rock-poetry: text and context]: sbornik nauchnykh trudov [proceedings]. Tver, 2001. Vypusk 2. [Issue 2]. 78 s. [78 p.].
16. Slovari.Ru URL: <https://www.slovari.ru/start.aspx?s=0&p=3050> [access date: 12.06.19].

Received 01.02.2020

Donetskikh L.I., Doctor of Philology, Professor
 E-mail: russistoria@mail.ru
 Chekmareva S.P., student
 E-mail: russistoria@mail.ru
 Udmurt State University
 Univeritetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034